

Фуко, Ленин и западный марксизм

ГЕОРГИЙ ШУЛИКО

Младший научный сотрудник, Институт философии РАН. Адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. E-mail: gashulik@gmail.com.

Ключевые слова: Мишель Фуко; Владимир Ленин; Антонио Грамши; западный марксизм; неомарксизм; ленинизм; революционная практика.

В статье делается попытка представить краткий исторический очерк непростых отношений Мишеля Фуко и некоторых теоретиков философской традиции западного марксизма. Рассмотренный в контексте истории «короткого XX века» западный марксизм предстает интеллектуальным течением, основанным на осмыслении внешней Западу революционной практики (большевиков, маоистов, геваристов и т. д.). Сравнительный анализ нескольких концептуальных персонажей — революционного интеллектуала по Ленину, традиционного и органического интеллектуалов по Грамши, публичного интеллектуала по Фуко — позволяет рассматривать последнего в ряде случаев не как внешнего врага марксистской традиции, но как ее внутреннего критика. Фуко предстает ревизионистом, заочно полемизировавшим с Лениным по вопросам стратегии революционного движения во Франции 1960–1970-х годов. Фукианская критика ленинизма неожиданным образом оказывается созвучна базовому для послевоенного западного марксизма стремлению к поиску революционного опыта, альтернативного большевистскому. Это неслучай-

ное совпадение делает Фуко одним из значимых персонажей в истории позднего западного марксизма, что вкупе с его антимарксистскими взглядами становится настоящей концептуальной проблемой для нынешних историков неомарксистской мысли.

В статье рассмотрены два возможных решения данной проблемы — Перри Андерсона и Даниэля Бенсаида. Андерсон в своем описании роли Фуко в судьбах западного марксизма ограничивается концептуальными вопросами соотношения марксизма и (пост)структурализма. В свою очередь, Бенсаид пытается объяснить явление Фуко в марксистской традиции посредством апелляции к общественным изменениям, в частности изменению идеологии капиталистического общества (в русле «Нового духа капитализма» Люка Болтански и Эвы Кьяпелло). Отталкиваясь от позиции Бенсаида, автор статьи стремится показать связь между позицией Фуко по публичным интеллектуалам и кризисом революционного движения последнего полувека, в частности, на примере известного «иранского инцидента» в биографии Фуко.

Зачем вспоминать марксизм в разговоре о Фуко?

ПОИСК марксистского содержания в работах Фуко — одна из традиционных форм изучения его интеллектуального наследия. Статьи, книги, коллоквиумы и открытые семинары с заголовками вида «Маркс и/или/с Фуко» давно стали заурядным явлением в Западной Европе¹. Почему так вышло? На поверхности лежит историческое объяснение: такова специфика интеллектуального ландшафта, служившего фоном для становления Фуко в качестве публичного интеллектуала. «Нужно было быть накоротке с Марксом»². Правда, в таком виде это объяснение мало что объясняет: за скобками остается вопрос, с каким именно Марксом требовалось быть накоротке европейским интеллектуалам. Ведь 1950–1970-е годы вошли в историю западного марксизма, помимо прочего, как очередной этап полемики об «аутентичном», подлинном марксизме.

Истоки этой дискуссии, — пожалуй, одной из самых продолжительных в истории марксистской мысли — восходят к началу XX века. В то время перед теоретиками II Интернационала стояла (любопытный факт: отчасти уже тогда — в форме вопроса о молодом Марксе³) проблема защиты своей интеллектуальной монополии или по крайней мере своего привилегированного положения среди прочих комментаторов Маркса и Энгельса. Долгое время она оставалась преимущественно внутренней проблемой социал-демократического движения, но приняла новое измерение, когда монополии «эпигонов»⁴ — как на толкование работ классиков, так и в принципе на развитие марксизма — оспорили большевики во главе с Лениным. Так, развернувшаяся после 1917 года на страницах российских и германских партийных изданий полемика

1. См., в частности: *Bidet J. Foucault avec Marx*. P.: La Fabrique, 2014; *Negri A. Marx and Foucault: Essays* / E. Emery (trans.). Cambridge: Polity, 2016. Vol. 1.
2. Фуко М. Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр., послесл. Д. Кралечкина, под науч. ред. В. Кузнецова. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 5.
3. См.: Плеханов Г. В. Философская эволюция Маркса // Соч.: В 24 т. М.; Л.: Госиздат, 1922–1927. Т. 18. С. 323–334.
4. См.: Бухарин Н. И. Ленин как марксист. Доклад на торжественном заседании коммунистической академии // Marxists Internet Archive. URL: www.marxists.org/russkij/bukharin/lenin_marxist.htm.

большевистских теоретиков и Карла Каутского представляла собой, помимо прочего, борьбу большевиков с Марксом — «почтенным резонером, склоняющимся перед святынями демократии, декламирующим о святости человеческой жизни... добропорядочным каутскианцем»⁵; с Марксом, превращенным Каутским в «дюжинного либерала»⁶, за Маркса — коммуниста, сторонника революционной пролетарской диктатуры. В это время в среде европейских интеллектуалов, готовых более или менее критически поддержать Ленина и большевиков, рождается на свет сложное и противоречивое явление, которое впоследствии стали называть западным марксизмом.

По выражению Эрика Хобсбаума, одним из главных порождений Первой мировой войны «стала революция... как общемировая константа в истории XX столетия»⁷. Это утверждение особенно справедливо применительно к революционным марксистам тех лет и их восприятию истории. Победа социалистической революции в России и следующая из этого факта уникальность политического опыта большевиков — первооткрывателей нового мира — наделили последних крайне высоким моральным авторитетом в глазах европейских коммунистов. В подобных условиях любая, даже самая марксистская, самая теоретически последовательная критика большевиков, не основанная на опыте успешной революционной альтернативы, с позиций революционного марксизма выглядела бы в лучшем случае начетничеством, попыткой обратить букву «Капитала» против революционного духа марксизма⁸.

Последовавшее вскоре поражение социалистической революции в Европе, и прежде всего в Германии, фактически обрекло международное коммунистическое движение на организационное и идейное господство советских коммунистов, которое в тех же исторических обстоятельствах, по мере развития фракционной борьбы в ВКП(б) постепенно начало принимать сталинистские формы. Европейские левые интеллектуалы тех лет, не желающие

5. Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм // Marxists Internet Archive. URL: www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm.

6. См.: Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1965–1975. 5-е изд. Т. 37. С. 235–338.

7. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / Пер. с англ. Е. Нарышкиной, А. Никольской, под науч. ред. А. Захарова. М.: Независимая Газета, 2004. С. 66.

8. См.: Грамши А. Революция против «Капитала» // Альтернативы. 1998. № 3. С. 2–5.

поддерживать политику сталинского СССР и соответствующее понимание марксизма, но неспособные предложить революционную альтернативу, оказались в затруднительном положении. Довольно ярко драматизм этого положения в гегельянских категориях охарактеризовал Герберт Маркузе:

Перед лицом политической реальности такая позиция была бы беспомощной, абстрактной и аполитичной; но когда политическая реальность как целое ложна, может оказаться, что только «неполитическая» позиция и является политической истиной⁹.

Это несколько затянувшееся историческое введение к разговору о Фуко важно, потому что годы творческого расцвета французского мыслителя приходятся на ту эпоху, когда большевистско-советский опыт революционной практики только начинал терять уникальность. Победа коммунистов в гражданской войне в Китае, кубинская революция, индокитайские войны как пример успешного сопротивления западному империализму, антиколониальные движения и национальные версии социализма в странах Африки, Азии и Латинской Америки — весь этот опыт мог послужить эмпирической основой для новой революционной теории, отличной от ленинской, притом что ее позиция, в отличие от всей предшествующей левой критики советского марксизма, впервые со времен Розы Люксембург не «была бы беспомощной, абстрактной и аполитичной». Следствием такого рода ожиданий в среде европейских интеллектуалов стал повышенный интерес к событиям в КНР (в особенности после ее разрыва с СССР) и революционным процессам в странах третьего мира, которые привели к возникновению и развитию в 1960–1970-х годах таких парадоксальных на первый взгляд явлений, как европейский маоизм и ряд западных концепций городской герильи. В этот исторический период на философском небосклоне и зажглась мерцающая звезда Фуко.

Мишель Фуко и проблемы революционного авангарда

Для понимания некоторых сюжетов в творчестве Фуко, который весьма долго поддерживал практически постоянный диалог (иногда мирный, иногда — на повышенных тонах) с теми или иными

9. Маркузе Г. 33 тезиса // Альтернативы. 2007. № 2. С. 55–67. См. URL: <https://www.alternativy.ru/sites/default/files/files/alternativy/2007-2/alternativy-2007-2.pdf>.

представителями французской левой, этот (западно)марксистский историко-философский фон имеет большое значение. Рассмотренная с точки зрения общих вопросов методологии и философии истории — областей знания, в которых разрыв между Фуко и современными ему марксистами проследить легче всего (прежде всего по множеству сохранившихся нелестных отзывов друг о друге), — проблема каких-либо взаимоотношений Фуко и западных марксистов, Фуко и Ленина может показаться несколько надуманной. Однако картина предстает более сложной, если исходной точкой для анализа и в качестве критерия для последующей демаркации позиций выбрать революционную практику как особую форму опыта.

Наверное, можно сказать, что Фуко не чужд был интерес к политическим процессам, протекавшим у него на глазах. Правда, по большей части это был интерес очевидца, не желавшего становиться участником, — так, говоря об одном из исключений, которым стали студенческие выступления в Тунисе, заставшие работавшего там в 1968 году философа врасплох, Фуко признался, что в этом случае он «вынужден был вступить в политические дебаты»¹⁰. *Post factum* среди возможных обоснований подобной аполитичности можно найти как те, что базируются на соответствующем жизненном опыте мыслителя, — к примеру, на том «умозрительном скептицизме»¹¹, что он приобрел во время пребывания во французской компартии в начале 1950-х годов, — так и те, что носят принципиальный теоретический характер; речь идет об известной фукианской критике традиционного образа политически ангажированного интеллектуала, становиться которым Фуко не имел ни желания, ни возможности.

Характеризуя в одном из интервью данный образ, Фуко не скрывал, что имеет в виду прежде всего марксизм, правда замечая: «причем марксизм вульгарный»¹². То, что эта оговорка — не просто дань вежливости знакомым марксистам, но нечто иное, становится понятным, когда Фуко, говоря о разнице между интеллектуалом-универсалом — «по преимуществу писателем:

10. Беседа с Мишелем Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 2 / Пер. с фр. И. Окуневой, под общ. ред. Б. Скуратова. М.: Практикс, 2005. С. 262.

11. Там же.

12. См.: Политическая функция интеллектуала (извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами) // Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 1 / Пер. с фр. С. Офертаса, под общ. ред. В. Визгина, Б. Скуратова. М.: Практикс, 2002. С. 201.

всеобщей совестью, свободным субъектом», который «противопоставлял себя всего лишь специалистам на службе государства или капитала, то есть инженерам, должностным лицам, преподавателям»¹³, — и интеллектуалами-специалистами, работающими «в определенных отраслях, в конкретных точках, где сосредоточены условия их профессиональных занятий либо условия их жизни»¹⁴, по сути воспроизводит заданное в свое время Антонио Грамши различие между «традиционными» и «органическими» интеллектуалами (в какой-то момент Фуко даже проговаривает¹⁵ соответствующий термин). При этом Фуко в целях критики отождествляет и объединяет в понятии интеллектуалов-универсалов две категории: с одной стороны, традиционных интеллектуалов, по Грамши, которые «чувствуют свою непрерывную историческую преемственность и свои „особые качества“... и считают себя самостоятельными и независимыми от господствующей социальной группы»¹⁶, а с другой — тех, «кто использует свое знание, свою специализацию, свою связь с истиной ради политической борьбы»¹⁷. В последней цитате с легкостью угадывается описание одного из ключевых, пользуясь терминологией Делёза, концептуальных персонажей отечественной марксистской традиции — *революционного интеллигента*.

Таким образом, оставляя в стороне вопрос, насколько в принципе оправданно «систематическое» отождествление традиционных интеллектуалов и политически ангажированных интеллигентов на основании концепции Грамши¹⁸, стоит отметить, что в итоге «вульгарным», по Фуко, предстает ленинизм. Вся критика интеллектуала-универсала оказывается в этом свете попыткой Фуко приобщиться к общему в среде западных левых интеллигентов стремлению отыскать альтернативы ленинизму. Этот импульс идейно преобладал в международном коммунистическом движении вплоть до 1960-х годов, и с различными его формами Фуко

13. Там же. С. 202.

14. Там же. С. 201.

15. Там же. С. 207.

16. Грамши А. Формирование интеллигенции // Тюремные тетради: В 3 ч. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. С. 329.

17. См.: Политическая функция интеллектуала (извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами). С. 204.

18. См.: Дмитриева Н., Чичин Е. Интеллигенция или интеллектуалы? Систематическое значение понятия *gli intellettuali* в философии Антонио Грамши // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. № 2. С. 35–45. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/intelligentsiya-ili-intellektualy-sistematicheskoe-znachenie-ponyatiya-gli-intellettuali-v-filosofii-antonio-gramshi>.

имел все возможности ознакомиться: посредством чтения того же Грамши, во время своего пребывания в партии, с подсказки Луи Альтюссера или любого другого знакомого марксиста — вариантов много, и они не взаимоисключающие¹⁹. Действительно, фигура революционного интеллигента крайне важна для оценки как вклада Ленина и большевиков в целом в революционную теорию, так и начавшихся в 1960-е годы перемен, которым подверглась и сама теория, и интеллектуалы, так или иначе ею ангажированные, включая Фуко.

Концепция особой роли интеллигенции стала результатом, по сути, своеобразного согласия Ленина с одним из тезисов современной ему реформистской критики:

История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, то есть убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.²⁰

Иначе говоря, с точки зрения Ленина, предоставленные сами себе рабочие, якобы говорящие от своего имени и проводящие якобы свою политику, на деле являются носителями и коллективным рупором *буржуазной идеологии*, способствующим укреплению власти капитала.

Много позже, 65 лет спустя, Ги Дебор, отталкиваясь от ленинского понимания идеологии, — правда, как и в случае Фуко, опосредованного, — выскажется уже о современном ему обществе:

Спектакль — это непрерывная речь, которую современный строй ведет о самом себе, его хвalebный монолог. Это автопортрет власти в эпоху ее тоталитарного управления условиями существования²¹.

19. Среди прочих не является невозможным и следующий вариант: Фуко в своей интеллектуальной биографии так и не добрался до чтения Ленина, довольствуясь пересказами и изложениями из третьих и четвертых уст — что в конечном счете и могло привести к ситуации данного интервью, в которой Фуко предпочитает говорить о некой анонимной марксистской вульгарности, не называя лишних имен.

20. Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 30.

21. Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубовича, под науч. ред. Б. Скуратова. М.: Логос, 2000. С. 28.

А еще два года спустя Фуко в знаменитой инаугурационной лекции в Коллеж де Франс будет говорить о своем желании обнаружить за своей спиной «некий голос без имени... давно уже взявший слово, заранее дублирующий все, что я собираюсь сказать»²². Чтобы получить возможность услышать подобный голос, Фуко критиковал левых интеллектуалов за излишнюю говорливость и готовность выступать от имени масс, которые «сами прекрасно и отчетливо все знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить»²³. Ленин только посмеялся бы над подобным преклонением перед толпой, «хвостизмом»; он бы парировал:

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, то вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. <...> Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* *отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной²⁴.

Разумеется, Фуко и в этом изложении остается оппонентом Ленина, противником революционного марксизма, однако это явно не тот антимарксизм презрительного замалчивания, образ которого может возникнуть после прочтения «Слов и вещей» или «Археологии знания», но попытка имманентной критики революционного марксизма, если угодно, его трансгрессии, — попытка сделать то, чего большевикам в свое время сделать не удалось.

Всегда непростые отношения Фуко с марксизмом не стали проще и в последние годы жизни. Ушедший в 1984 году, он застал продолжавшийся на протяжении всех 1970-х годов спад массовых революционных настроений во Франции. В истории всего мира это был период постепенной стабилизации капитализма. И хотя отдельные национальные революционные движения продолжали свою борьбу и даже приходили к власти (например, «Движение вооруженных сил» в Португалии, МПЛА в Анголе, сандинисты в Никарагуа и др.), в целом можно было констатировать, что глобальный революционный кризис, пик которого пришелся на 1968

22. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. С. Табачниковой, под общ. ред. А. Пузырева. М.: Касталь, 1996. С. 4–9.

23. Он же. Интеллектуалы и власть // Он же. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. С. 68.

24. Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. С. 30.

год, миновал. В этом отношении переломным и таким же символическим стал 1973-й — год военного переворота в Чили и установления диктатуры Пиночета, чьи неолиберальные экономические реформы открыли новую эпоху в развитии капитализма, которая так или иначе продолжается до сих пор.

Перефразируя известный прогноз Маркса, можно сказать, что Европа не поднялась, а старый крот истории вновь ушел под землю. Для европейских левых интеллектуалов 1970-е годы были периодом нарастающего отчаяния. В частности, это выразилось в расцвете левого терроризма (и это был еще один симптом кризиса массовых движений) после революционного спада. В свою очередь, среди тех интеллектуалов, кто осудил обращение к индивидуальному терроризму в качестве политического инструмента или, осуждая подобные методы как таковые, к самим сторонникам террора относился со смешанными чувствами²⁵, царила глубочайшая апатия, даже превосходившая ту, в которой пребывали многие левые интеллектуалы во время сталинистского триумфа и разгрома Коминтерна в 1930-е годы. И разумеется, Фуко также был полностью подчинен этой апатии:

Сегодня... можно сказать, что, может быть, впервые после русской октябрьской революции 1917 года... на земле нет ни единой точки, откуда мог бы забрезжить луч какой-то надежды. Ориентиры, направления пути перестали существовать. Их нет, конечно, и в Советском Союзе. То же можно сказать и о его сателлитах. Это ведь тоже ясно. И на Кубе надежды нет. И в палестинской революции, и, конечно же, в Китае. И во Вьетнаме и Камбодже. Впервые левое движение... вся левая европейская мысль, европейская революционная мысль... утратила исторические ориентиры, каковые она прежде находила в других частях земного шара. Она утратила конкретные точки опоры. Больше не существует ни единого революционного движения, и тем более не существует ни единой социалистической страны без кавычек, страны, на которую мы могли бы сослаться, чтобы сказать: вот как надо поступать! Вот образец!²⁶

25. Так, тот же Фуко, не приемля и осуждая терроризм, публично высказывался против экстрадиции из Франции Клауса Круассана — юриста, симпатизанта RAF, выступавшего в качестве адвоката членов организации на ряде процессов и впоследствии также подвергнувшегося преследованиям со стороны властей Западной Германии.
26. Фуко М. Пытка — это разум // Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 3 / Пер. с фр. Б. Скуратова, под общ. ред. В. Большакова. М.: Праксис, 2006. С. 77–78.

Этой пессимистической констатацией Фуко подвел символическую черту под всей историей западного марксизма как сонма интеллектуальных проектов, чьи создатели — в своей поддержке и критике, в своих ожиданиях и опасениях — жили чужим и зачастую чуждым для них (как для представителей стран первого мира) революционным опытом. Фуко не хватило всего нескольких лет, чтобы дожить до того исторического момента, когда само разделение марксизма на «западный» и «советский» потеряет актуальность.

Фуко как концептуальный персонаж современной марксистской критики

По мере того как западный марксизм все более отстранялся от какой-либо революционной практики, теоретиков постепенно сменяли историки теории. Зачастую ими оказывались европейские шестидесятники — поколение западных марксистов, для которых полемика с Фуко и теми, кто разделял близкие взгляды, составляла и составляет значимую часть их собственных биографий. Так начинается заключительная глава в истории отношений Фуко и западных марксистов, в которой он фигурирует уже заочно, как элемент самоописания западномарксистской традиции на последнем этапе ее развития. В этом качестве представители последнего поколения западных марксистов невольно становятся агентами специфического способа повествования о Фуко — Фуко, опосредованном Марксом, Лениным, Грамши, Альтюссером и т. д.; причем данный способ повествования благодаря его укорененности в соответствующей традиции демонстрирует устойчивость, которая позволяет говорить о своеобразном микросообществе в рядах фукианских интерпретаторов.

В итоге происходит любопытная инверсия, когда западномарксистские историки, вынужденные в силу внешних обстоятельств (поскольку те теоретические веяния, которые олицетворяет собой Фуко, нельзя игнорировать в принципе) высказываться о чуждом им в идейном плане мыслителе, обнаруживают себя в гораздо более многочисленной компании профессиональных исследователей Фуко, в которой уже сами западные марксисты считаются чужеродными элементами. Возникает своеобразный двойной конфликт, служащий одной из причин неиссякаемого на протяжении нескольких последних десятилетий обоюдного интереса сторон к теме «Маркс [союз] Фуко».

Характеристики, которые Фуко дают историки западного марксизма, уже значительно отличаются от приговоров 1960-х годов,

когда Сартр (тот самый Сартр, которого так громили марксисты, чью «внушающую опасения близость его философствования с демагогией, которая вводит в заблуждение»²⁷, разоблачал Георг Лукач) клеймил философию Фуко как «последний оплот, который буржуазия может все еще поставить в качестве препятствия Марксу»²⁸. Так, в описании судеб западного марксизма, сделанном Перри Андерсоном еще при жизни Фуко, его роль поистине драматична и по-своему величественна: бывший ученик Альтюссера, соблазном заставившего марксистов вступить в порочную связь со структурализмом, Фуко предал своего учителя и пошел дальше, отринув марксизм во всей его полноте и став для западных марксистов наказанием за грех альтюссеррианской ереси²⁹. Иначе говоря, здесь взгляды Фуко предстают в качестве закономерного итога концептуального развития всего послевоенного французского марксизма и его подхода к человеку, истории, структуре и ряду других ключевых понятий.

Другим интересным примером включения Фуко в историю западного марксизма может послужить вариант Даниэля Бенсаида. Если для Андерсона истоки и причины расцвета фукианства на интеллектуальном поле Франции носят по преимуществу концептуальный характер, в частности прежних марксистских прегрешений перед теорией, то для Бенсаида причина популярности идей Фуко материальна, заключена в современном этапе развития капиталистической системы. Так, рассматривая вопрос, который в 1979 году Фуко задавал революционерам: «А так ли она желанна, эта революция?»³⁰, Бенсаид сопоставляет его с тем императивом, что двигал в свое время Маркузе — найти способ совершить революцию вопреки всем формам контроля одномерного общества, — после чего приходит к выводу:

Если следовать периодизации Болтански и Кыяпелло из «Нового духа капитализма», вопрос Маркузе связан со «вторым духом»,

27. Лукач Г. Экзистенциализм // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2005. № 5. С. 47.

28. Сартр о структурализме // Sygma. 25.07.2016. URL: <http://syg.ma/@nikita-archipov/sartre-o-strukturalizmie>.

29. См.: Андерсон П. На путях исторического материализма // Он же. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. М.: Интер-Версо, 1991. С. 183.

30. См.: Бенсаид Д. Спектакль как высшая форма товарного фетишизма / Пер. с фр. С. Денисова, под общ. ред. В. Кузнецова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. С. 19.

то есть духом организованного послевоенного капитализма; а вопрос Фуко — с новым духом либеральной контрреформы³¹.

Другими словами, взгляды Фуко, по Бенсаиду, представляют адекватным концептуальным выражением процессов перехода позднего капитализма в неолиберальную фазу развития; той формой критики капитализма, которую сам капитал, став глобальным, взял на вооружение против «национального, централизованного, организованного капитализма и рабочего движения, которое само было национальным, централизованным и организованным»³². Все эти построения довольно органично сочетаются с тем, что Фуко в конце своей жизни действительно испытывал определенную интеллектуальную симпатию к неолиберализму, которая стала предметом позднейших исследований³³.

Разумеется, исторический образ, представленный Бенсаидом, не свободен от некоторых теоретических натяжек: например, когда он вменяет Фуко вопрос о желательности революции, Бенсаид предпочитает умолчать, что Фуко вводит³⁴ этот вопрос со ссылкой на Макса Хоркхаймера, бывшего коллегу Маркузе по Франкфуртскому институту социальных исследований, что, конечно, несколько смазывает картину *a la* Болтански-Кьяпелло о двух духах капитализма и о соответствующих этапах развития левой теории. Это умолчание выглядит еще более странно, если предположить, в соответствии с этим же видением, что Фуко стал своеобразным внешним выразителем подспудных сдвигов в самом западном марксизме. Впрочем, эти тенденции произошли не из теоретической неразборчивости Альтюссера, а из истории западного марксизма как традиции восприятия и концептуализации актуального революционного опыта (как более раннего, из которого выросли франкфуртцы, так и более позднего), современниками, но не участниками которого стали те же франкфуртцы — Фуко, Андерсон, Бенсаид и все прочие западные левые интеллектуалы.

Приняв такое понимание связи Фуко и традиции западного марксизма, невольно начинаешь воспринимать в новом свете так называемый Иранский инцидент в биографии Фуко, также ставший отдельным предметом исследований: когда близкий к от-

31. Там же. С. 25.

32. Там же.

33. См.: Zamora D., Behrent M. Foucault and Neoliberalism. Malden, MA: Oxford, 2015.

34. См.: Фуко М. Восставать бесполезно? // Неприкосновенный запас. 2011. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/5/fu2.html>.

чаянию мыслитель неожиданно увидел в очередном национально-освободительном движении, стремительно превращающемся в теократический полуавторитарный режим, «революцию голых рук» — ту самую, без интеллектуалов и интеллигенции, в которой нельзя найти «ни китайской, ни кубинской, ни вьетнамской моделей, но только штормовую волну, лишенную военного аппарата, авангарда, партии»³⁵. Ту самую, о необходимости которой так долго говорил Фуко...

Многим марксистским комментаторам, в частности Бенсаиду³⁶, Иранский инцидент представлялся следствием продолжающегося антимарксизма мыслителя, который увел его на другой край политического спектра. Сам Фуко уже после стремительного вырождения в специфическую форму теократии, следовавшего за иранской революцией, говорил о своем неприятии любой формы подавления масс во имя большой стратегии, заявляя при этом, что ему «неважно, является ли стратег политиком, историком, революционером, сторонником шаха или аятоллы»³⁷. Ортодоксальные марксисты могли бы сказать, что в данном случае Фуко ведет себя как типичный мелкобуржуазный интеллектуал, «морализирующий филистер», излюбленным приемом которого «является отождествление образа действий реакции и революции»³⁸. Они были бы правы, по крайней мере исходя из своих позиций, однако целью данной статьи было указать на иное: у Фуко не было ни желания, ни возможности порвать с внутренними устремлениями западного марксизма — устремлениями, давно ставшими частью его самого, с (западно)марксистской тоской по правильной революции, по революционному движению «без кавычек», с тоской по Ленину.

Библиография

- Андерсон П. На путях исторического материализма // Он же. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. М.: Интер-Версо, 1991.
- Бенсаид Д. Спектакль как высшая форма товарного фетишизма. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012.
- Беседа с Мишелем Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 2. М.: Праксис, 2005.

35. Он же. Революция голых рук // Он же. Интеллектуалы и власть. Ч. 2. С. 178.

36. См.: Бенсаид Д. Указ. соч. С. 28–32.

37. См.: Фуко М. Восставать бесполезно?

38. См.: Троцкий Л. Их мораль и наша // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1938/moral.htm>.

- Бухарин Н. И. Ленин как марксист. Доклад на торжественном заседании коммунистической академии // Marxists Internet Archive. URL: http://marxists.org/russkij/bukharin/lenin_marxist.htm.
- Грамши А. Революция против «Капитала» // Альтернативы. 1998. № 3. С. 2–5.
- Грамши А. Формирование интеллигенции // Тюремные тетради: В 3 ч. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1.
- Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000.
- Дмитриева Н., Чичин Е. Интеллигенция или интеллектуалы? Систематическое значение понятия *gli intellettuali* в философии Антонио Грамши // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. № 2. С. 35–45.
- Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1965–1975. 5-е изд. Т. 37. С. 235–338.
- Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1965–1975. 5-е изд. Т. 6. С. 1–192.
- Лукач Г. Экзистенциализм // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2005. № 5. С. 33–57.
- Маркузе Г. 33 тезиса // Альтернативы. 2007. № 2. С. 55–67.
- Плеханов Г. В. Философская эволюция Маркса // Соч.: В 24 т. М.; Л.: Госиздат, 1922–1927. Т. 18. С. 323–334.
- Политическая функция интеллектуала (извлечение из беседы Мишеля Фуко с итальянскими журналистами) // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002.
- Сартр о структурализме // Sygma. 25.07.2016. URL: <http://syg.ma/@nikita-archipov/sartre-o-strukturalizmie>.
- Троцкий Л. Терроризм и коммунизм // Marxists Internet Archive. URL: <http://marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm>.
- Троцкий Л. Их мораль и наша // Marxists Internet Archive. URL: <http://marxists.org/russkij/trotsky/1938/moral.htm>.
- Фуко М. Восставать бесполезно? // Неприкосновенный запас. 2011. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/5/fu2.html>.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть // Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 1. М.: Праксис, 2002.
- Фуко М. Порядок дискурса // Он же. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 4–9.
- Фуко М. Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 5–10.
- Фуко М. Пытка — это разум // Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 67–78.
- Фуко М. Революция голых рук // Он же. Интеллектуалы и власть: Избр. полит. ст., выступ. и интервью. Ч. 2. М.: Праксис, 2005. С. 178–182.
- Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая Газета, 2004.
- Bidet J. Foucault avec Marx. P.: La Fabrique, 2014.
- Negri A. Marx and Foucault: Essays. Cambridge: Polity, 2016. Vol. 1.
- Zamora D., Behrent M. Foucault and Neoliberalism. Malden, MA: Oxford, 2015.

GEORGY SHULIKO. Junior Researcher, gashulik@gmail.com.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russia.

Keywords: Michel Foucault; Vladimir Lenin; Antonio Gramsci; Western Marxism; neo-Marxism; Leninism; revolutionary practice.

This article offers a brief historical account of the complex relationship between Michel Foucault and certain theorists in the Western Marxist philosophical tradition. In the context of the history of the “short twentieth century,” Western Marxism is an intellectual trend based on an interpretation of non-Western revolutionary praxis (by Bolsheviks, Maoists, Guevaristas, etc.). Comparative analysis of several schematic portraits — of Lenin’s revolutionary intellectual, of traditional as opposed to organic intellectuals in Gramsci, and of Foucault’s public intellectual — shows that Foucault in a certain instances was not an external enemy of the Western Marxist tradition, but rather its internal critic. Foucault comes across as a revisionist who engaged in a debate with Lenin about the strategy of the revolutionary movement in France of the 1960s and the 70s. Foucault’s criticism of Leninism unexpectedly turns out to be consistent with the basic struggle of post-WWII Western Marxism to find an alternative to the Bolshevik experience of revolution. This deliberate concurrence makes Foucault one of the significant figures in the history of late Western Marxism, but this becomes a real problem for current historians of neo-Marxist thought when coupled with his generally anti-Marxist views.

The article discusses two possible solutions to this problem devised by Perry Anderson and Daniel Bensaid. Anderson’s description of the role of Foucault in the fate of Western Marxism is limited to conceptual questions about the relationship between Marxism and (post) structuralism. Bensaid tries to explain how Foucault fits into the Marxist tradition by appealing to social changes, specifically the changing ideology of capitalist society (in the spirit of *The New Spirit of Capitalism* by Luc Boltanski and Ève Chiapello). Building on Bensaid’s work, the article shows the link between Foucault’s position on public intellectuals and the crisis of the revolutionary movement of the last half-century, in particular by reference to the famous “Iranian episode” in Foucault’s biography.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-251-264

References

- Anderson P. Na putiakh istoricheskogo materializma [In the Tracks of Historical Materialism]. *Razmyshleniia o zapadnom marksizme; Na putiakh istoricheskogo materializma* [Considerations on Western Marxism; In the Tracks of Historical Materialism], Moscow, Inter-Verso, 1991.
- Bensaid D. *Spektakl' kak vysshaia forma tovarnogo fetishizma* [Le spectacle, stade ultime du fétichisme de la marchandise], Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniï, 2012.
- Beseda s Mishelem Fuko [Conversation with Michel Foucault]. In: Foucault M. *Intellektualy i vlast': Izbr. polit. st., vystup. i interv'iu. Ch. 2* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Speeches and Interviews. Pt. 2], Moscow, Praksis, 2005.
- Bidet J. *Foucault avec Marx*, Paris, La Fabrique, 2014.

- Bukharin N. I. Lenin kak marksist. Doklad na torzhestvennom zasedanii kommunistskoi akademii [Lenin as a Marxist. Report on Ceremonial Meeting of Communist Academia]. *Marxists Internet Archive*. Available at: http://marxists.org/russkij/bukharin/lenin_marxist.htm.
- Debord G. *Obshchestvo spektaklia* [La Société du spectacle], Moscow, Logos, 2000.
- Dmitrieva N., Chichin E. Intelligentsiia ili intellektualy? Sistematicheskoe znachenie poniatii gli intellektuali v filosofii Antonio Gramshi [Intelligentsia or Intellectuals? Systematic Meaning of the Concept "Gli Intellektuali" in Antonio Gramsci's Philosophy]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Herald], 2013, no. 2, pp. 35–45.
- Foucault M. Intellektualy i vlast' [Intellectuals and Power]. *Intellektualy i vlast': Izbr. polit. st., vystup. i interv'iu. Ch. 1* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Speeches and Interviews. Pt. 1], Moscow, Praksis, 2002.
- Foucault M. Poriadok diskursa [L'ordre du discours]. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Various Years], Moscow, Kastal', 1996, pp. 4–9.
- Foucault M. Predislovie k amerikanskomu izdaniiu "Anti-Edipa" [Introduction to American Edition of "Anti-Oedipus"]. In: Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia* [L'Anti-Œdipe: Capitalisme et schizophrénie], Yekaterinburg, U-Faktoriia, 2008, pp. 5–10.
- Foucault M. Pytka — eto razum [La torture, c'est la raison]. *Intellektualy i vlast': Izbr. polit. st., vystup. i interv'iu. Ch. 3* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Speeches and Interviews. Pt. 3], Moscow, Praksis, 2006, pp. 67–78.
- Foucault M. Revoliutsiia golykh ruk [Une révolte à mains nues]. *Intellektualy i vlast': Izbr. polit. st., vystup. i interv'iu. Ch. 2* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Speeches and Interviews. Pt. 2], Moscow, Praksis, 2005, pp. 178–182.
- Foucault M. Vosstavat' bespolezno? [Inutile de se soulever?]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Reserve], 2011, no. 5. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/5/fu2.html>.
- Gramsci A. Formirovanie intelligentsii [The Formation of the Intellectuals]. *Tiuremnye tetradi: V 3 ch.* [Prison Notebooks: In 3 parts], Moscow, Politizdat, 1991, pt. 1.
- Gramsci A. Revoliutsiia protiv "Kapitala" [The Revolution against 'Capital']. *Al'ternativy* [Alternatives], 1998, no. 3, pp. 2–5.
- Hobsbawm E. *Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991)* [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991], Moscow, Nezavisimaia Gazeta, 2004.
- Lenin V. I. Chto delat'? Naboлевshie voprosy nashego dvizheniia [What Is To Be Done? Burning Questions of Our Movement]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works], Moscow, Politizdat, 1965–1975, 5th ed., vol. 6, pp. 1–192.
- Lenin V. I. Proletarskaia revoliutsiia i renegat Kautskii [The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works], Moscow, Politizdat, 1965–1975. 5-e izd. T. 37, pp. 235–338.
- Lukacs G. Ekzistentsializm [Existentialism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 7. Filosofii* [The Moscow University Herald. Series 7. Philosophy], 2005, no. 5, pp. 33–57.
- Marcuse H. 33 tezisa [33 theses]. *Al'ternativy* [Alternatives], 2007, no. 2, pp. 55–67.
- Negri A. *Marx and Foucault: Essays*, Cambridge, Polity, 2016, vol. 1.

- Plekhanov G. V. *Filosofskaia evoliutsiia Marksa* [Marx's Philosophical Evolution]. *Soch.: V 24 t.* [Works: In 24 vols], Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1922–1927, vol. 18, pp. 323–334.
- Politicheskaia funktsiia intellektuala (izvlechenie iz besedy Mishelia Fuko s ital'ianskimi zhurnalistami) [Political Function of the Intellectual (Excerpt from Michel Foucault's Conversation with Italian Journalists)]. In: Foucault M. *Intellektualy i vlast': Izbr. polit. st., vystup. i interv'iu. Ch. 1* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Speeches and Interviews. Pt. 1], Moscow, Praxis, 2002.
- Satr o strukturalizme [Sartre on Structuralism]. *Sygma*, July 25, 2016. Available at: <http://syg.ma/@nikita-archipov/satr-o-strukturalizmie>.
- Trotsky L. Ikh moral' i nasha [Morality, Their and Our]. *Marxists Internet Archive*. Available at: <http://marxists.org/russkij/trotsky/1938/moral.htm>.
- Trotsky L. Terrorizm i kommunizm [Terrorism and Communism]. *Marxists Internet Archive*. Available at: <http://marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm>.
- Zamora D., Behrent M. *Foucault and Neoliberalism*, Malden, MA, Oxford, 2015.